

Эл Лекс

СТРЕЛОМАНТ 3

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эл Лекс

Стреломант. Том 3

<https://litres.ru/73905769>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда-то я был...

Да какая разница, кем я был. Главное, что теперь я - единственный в мире стреломант, единственный в мире человек, выбравший Линию Времени и единственный, на кого все еще охотятся два оставшихся брата.

Чушь. Все это полная чушь.

Что важно - так это то, что я знаю тайну. Тайну, что может отправить в бездну весь мир.

Содержание

Глава 1. Сын своего отца	4
Глава 2. Академия	17
Глава 3. Бабуля	29
Глава 4. Комендант	41
Глава 5. Сосед	54
Глава 6. Отбой	67
Глава 7. Ночная беседа	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Эл Лекс

Стреломант. Том 3

Глава 1. Сын своего отца

— Как вы уже знаете, меня зовут Антон Романович Суджук. Моим отцом был Роман Суджук...

— Роман Суджук! — внезапно раскрыла глаза Ника. — Я знаю! Я слышала! Так звали!..

— Главного конструктора АГАТа, все верно. — кивнул майор. — Это и был мой отец.

— Быть не может! — покачала головой Ника.

— Еще как может. — печально улыбнулся майор. — Когда по ведомству прошел слух о том, что в Бархангельск вернулся АГАТ, я подсуетился, чтобы это дело выдали именно мне, надавив на тот факт, что именно мой отец был создателем машины. После этого ведомство раскошенилось даже на портал СеРы, хотя обычно их используют только в крайних случаях. Иначе я бы так быстро здесь не оказался.

— Почему вы говорите про отца «был»? — тихо спросила Ника. — Что случилось?

— После того, как АГАТ, дело всей его жизни, венец его инженерной мысли, пропал, отец сильно сдал. — майор вздохнул. — Сначала нервное истощение, на его фоне — ин-

сульт. Несмотря на помощь лучших медиков, каких мы только смогли достать в те сжатые сроки, после инсульта его разбил прогрессирующий паралич, который однажды дошел до сердца, вызвав его остановку. Отца не стало почти год назад.

— Соболезную. — покачала головой Ника. — Вы пробовали обращаться к моему клану?

— Пробовали. Они лишь развели руками — сказали, что кровавые целители способны исцелять лишь болезни тела. Исцелять сознание, которое не хочет жить, они не способны.

— И это правда. — кивнула Ника. — Они действительно на это не способны.

— Я знаю, и никого не виню. — майор поднял руки, снял очки, сложил их и положил на стол. Устало помассировал переносицу пальцами и посмотрел на нас уже совсем другими глазами — уставшими, покрасневшими, в глубине которых теплилась слабая надежда на то, что сейчас ему наконец дадут ответ на так давно мучающий его вопрос:

— Серж, я не первый год занимаю эту должность, и я разговаривал с очень многими людьми. Некоторые из них совершенно не умели врать, некоторые ввали... Нет, они не ввали — они действительно верили в то, что говорили, создавали свою собственную реальность прямо на ходу и ментально в нее вживались. Без обид, но вы не дотягиваете до их уровня. Вы прекрасно держались и кто-то менее опытный, чем я, даже не заметил бы шероховатостей в вашем рассказе, но... Я не хочу и не буду пытаться ловить вас на про-

тиворечиях, чтобы добыть настоящую информацию. Как я уже сказал, для протокола ваш рассказ уже записан, и его будет достаточно — сейчас все слишком заняты самим фактом возвращения АГАТа, так что я легко смогу спустить ваше дело на тормозах. Но только при одном условии... Даже не так. Никаких условий. Только просьба. Расскажите мне, как все было на самом деле. Что вы видели, с чем столкнулись, что перебороли. Мне важна каждая мелочь. Я хочу знать, кто виноват в том, что мой отец так бесславно закончил свою жизнь.

— А что, если это он сам виноват? — усмехнулся я, больше не пытаясь косить под дурачка — уже незачем. — Что, если это его конструкторская ошибка погубила АГАТ?

— Закопав его под землю? — брови майора удивленно взлетели вверх. — Я бы еще понял, если бы речь шла о какой-то механической поломке, но вы вернули тягач совершенно целым и работоспособным. Мало того — в бортовом компьютере практически не обнаружилось никаких ошибок, а значит, почти все системы даже спустя пять лет работают штатно. Тут сомнений нет — ошибка моего отца исключена. Он выполнил свою работу в трехкратном размере.

Скорее уж, в пятикратном. Впрочем, дела это не меняет — майор действительно успел узнать все, что ему нужно, чтобы припереть нас к стене и вытащить ответы на интересующие его вопросы. Конечно, мы всегда могли пойти в отказ и заявить, что первая версия рассказа — исчерпывающая,

но что тогда? Я не знаю полномочий майора, а их наверняка достаточно для того, чтобы задержать нас здесь и не отправлять в академию какое-то время. А для меня каждый день за ее стенами — это еще одна потенциальная возможность умереть от рук Ратко.

Да и если честно... Не хотелось от него скрывать ничего. От майора Суджука — да, хотелось. Нужно было. От Антона Суджука, потерявшего своего отца — нет, не хотелось.

— Серж... — глядя мне в глаза позвал Суджук. — У вас ведь тоже есть отец...

— Ха, вам бы мой отец точно не приглянулся! — невесело усмехнулся я. — Ладно, мы расскажем все в подробностях, только я должен сразу предупредить — некоторая информация... Может быть немного неприятной... И не сразу уложится в сознании. А, может, не уложится никогда. Короче, скажу прямо — рассказ может шокировать и даже вызвать мысли о том, что мы выдумываем на ходу. Но это не так. Мы не выдумывали даже в первый раз, а сейчас — не будем и подавно.

— Я не могу пообещать, что не буду задавать вопросов. — Антон на мгновение расцепил пальцы, приоткрыв ладони. — Но могу пообещать, что приложу все усилия к тому, чтобы поверить во все, что вы расскажете. В конце концов, альтернатив у меня нет.

— Это еще не все. Я должен взять с вас обещание, что то, что вы услышите от нас, останется при вас и не распространится дальше. Потенциально эта информация очень опасна

даже сама по себе, а, если попадет не в те руки... Я даже представить не могу, что произойдет тогда.

— Что мешает мне нарушить клятву, если я ее сейчас дам?

— Абсолютно ничего. — я покачал головой. — Ключевая фраза была про опасность информации. А, впрочем, вы и сами сейчас все поймете.

И мы с Никой, когда перебивая друг друга, а когда — дополняя, выложили ему всю историю начиная с того момента, когда Чингиз появился в купе. Даже не стали скрывать в этот раз, что знаем его, или, вернее сказать, узнали. В этом месте майор поднял руку, останавливая рассказ и уточнил:

— То есть, нападавшего вы знали? И он вас знал?

— Именно потому он и хотел убить. — я кивнул. — Это сложная история, она касается меня и моего отца. Если вкратце — я его внебрачный сын.

Майор пару секунд подумал, потом уточнил:

— Это касается АГАТа?

Я помотал головой.

— Тогда пропускаем.

Когда мы дошли до Чемберса и того, что он сделал, майора будто подменили. Он расцепил пальцы, вцепился в столешницу и подался вперед. Из глаз моментально исчезла вся усталость и печаль, вместо них появились злость и напряжение.

— Стоп! — отрывисто скомандовал майор. — Повтори-

те-ка это место!

Мы с Никой переглянулись, и еще раз, в максимальных подробностях, как могли, пересказали все, что видели.

— Геомант, говорите? — задумчиво сказал майор, глядя в потолок.

— Это только предположение. — я развел руками. — Сами понимаете, по скелету трудно определить, кем он был при жизни.

— Действительно. — согласился майор. — Я бы мог еще подумать на спатомантов, но они явно не мастаки кидаться шипами из камня, правильно?

Я пожал плечами. Я не знал, на что реально способны спатоманты.

— И что дальше? — поинтересовался майор, вернув взгляд на нас — будто зарубку в памяти сделал.

Все оставшееся время он слушал не перебивая. Только пальцы его иногда подергивались в интересных местах, да иногда удивленно взлетали на лоб брови.

Когда мы закончили, он задумчиво потер лоб и снова посмотрел на нас:

— Ну и дела.

— Я предупреждал. — я пожал плечами. — Я говорил, что переварить это будет непросто.

— Признаюсь, я ожидал чего-то более... простого для понимания. — усмехнулся майор. — Но чтобы реадизайнер напал на АГАТ... Затащил его под землю... Ладно так, но он же

пытался затащить его даже на пороге смерти. Даже зная, что уже умирает! Хотя в теории он мог бы попробовать спастись, если бы заклинился в свое рабочее тело, закапсулировался... Но нет, ему важнее было уничтожить АГАТ... Почему?!

— Это и есть главный вопрос. — вмешалась Ника. — Вернее, второй главный вопрос. Даже третий. Первый — почему он вообще напал на АГАТ? Второй — как он оказался рядом с ним и проник внутрь? И только третий — насчет обстоятельств смерти.

— Ваша правда, тресса Висла. — вздохнул майор. — В любом случае, знаете, я рад, что вы не рассказали эту историю на диктофон. Если бы это услышало мое начальство... Ох, я даже не представляю, какая буря могла бы подняться в ведомстве!

Мне не понравился тон, которым он это сказал. Тон был таким, словно эта буря и без диктофона намеревается в скором времени подняться.

— Что-то не так? — поинтересовался я.

— Да как вам сказать... — майор снова посмотрел в потолок. — Вы же знаете, почему вообще создали АГАТ? Или, вернее, для чего? Чтобы как можно меньше зависеть от реадизайнеров. Чтобы иметь возможность справляться с угрозой даргов без их помощи. Ведь реадизайнеры, по сути — и решение этой проблемой и ее причина. Именно их активная прана привлекает тварей, а если не будет реадизайнеров — не будет и активной праны, а значит не будет и даргов.

— Мне не нравится, как это звучит. — нахмурилась Ника.

— Словно кто-то задумал избавиться от реадизайнеров.

Майор перевел глаза с потолка на нас.

И его взгляд мне очень сильно не понравился.

— Знаете, что самое плохое, тресса Висла? Если рассказанное вами дойдет до верхушки моего ведомства... Боюсь, что именно это и произойдет.

Майор пообещал задействовать свои ресурсы и связи для того, чтобы раскопать хоть какую-то информацию о Чемберсе, который остался похороненным в остатках АГАТа. Это была единственная зацепка, которая могла вывести нас на тех, кто помогал геоманту в его плане. А ему точно кто-то помогал, никаких сомнений.

Мы обменялись номерами телефонов, и майор пообещал держать нас в курсе дел. Вернее, это я попросил держать нас в курсе дел, а он согласился — не знаю, почему, и не уверен, что он собирается держать свое обещание. Так или иначе, я все равно собирался начать собственное расследование этого непонятного дела. Если майор не вспомнит больше про нас — я какую-то информацию добуду сам. Если вспомнит и последует своему обещанию — мы обменяется тем, что успели накопать. В любом случае, я останусь в плюсе.

Хотя, говоря честно, я не до конца понимал, зачем мне все это нужно. Просто я был уверен, что должен разобраться в этом деле, и это даже не ставилось под сомнение. Впору

было подумать о том, что эту мысль нашептала мне богиня, но... Богиня больше со мной не говорила. Точно как обещала в том странном сне, или не сне...

Поезд, что возит абитуриентов из Бархангельска в академию, ради нас запустили по второму разу. К локомотиву прицепили всего один вагон, в одном купе которого разместились мы, а в остальных — сборная охранная солянка из вооруженных людей и одного реадизайнера. По сути, на нашу защиту отрядили целую оперативную группу, в полном вооружении и полной боеготовности. Напади сейчас на поезд дарги или кто-то из Ратко — любому врагу пришлось бы несладко.

Враги это, кажется, понимали тоже, поэтому никто и не нападал. Несмотря на то, что в купе мы с Никой были вдвоем, один из людей-бойцов стоял за дверью и неотрывно следил за нами через прозрачное окошко. Вполне ожидаемо, учитывая, кто наши противники и как ловко они способны оказываться где угодно в мгновение ока. Изначально бойцы вообще собирались окопаться прямо в нашем купе, да Ника их выгнала, вот и приходится им торчать за стенами.

Хотя, уверен, в случае атаки реадизайнер их группы прямо сквозь стену окажется рядом с нами, тоже в мгновение ока.

Я сидел на мягкой сидушке, отрешенно глядя в окно, Ника лежала головой у меня на коленях, закинув ноги на стену и мило улыбалась:

— Неужели все это наконец-то закончилось, а? Неужели мы все это пережили?

— А представляешь, если нет? — усмехнулся я. — Если на самом деле мы погибли в бою с Чингизом и это все — лишь бред агонизирующего сознания?

Ника недовольно подняла голову:

— Один на двоих? Не-е-е, так не бывает. У каждого свой должен быть.

— Так, может, это все мой. — я пожал плечами. — А ты, как и все остальное — лишь плод моего умирающего воображения.

Ника фыркнула, повернула голову и больно укусила меня за бок, так что я даже дернулся от неожиданности.

— Нормально для фантазии? — нагло поинтересовалась Ника, сложив руки на груди.

Я протянул руку и щелкнул ее по вздернутому носику, от чего она снова фыркнула и чихнула.

Я вернул взгляд к бегущим за окном деревьям.

— Ты ему веришь? — внезапно спросила Ника. — Майору?

— Насчет чего?

Ника пожала плечами:

— Насчет хоть чего-нибудь.

— Сложно сказать. Если все упрощать, то, в общем-то, нет никакой разницы, верю я ему или нет. Он профессионал, он вытащил бы из нас то, что ему нужно, в любом случае.

Все упиралось лишь в то, сколько на это понадобится времени и что мы с тобой за это время упустим. Я просто решил ускорить процесс.

— Тогда заем ты брал с него эти обещания?

Я усмехнулся:

— Исключительно, чтобы посмотреть на его реакцию. Если бы он стал бить себя пятками в грудь и вопить «Век воли не видать!», я бы еще задумался о том, чтобы доверять ему всю правду. Но он отреагировал именно так, как я надеялся. Он не собирался принимать на веру все, что мы расскажем, он все равно проверял нашу историю на прочность и искал в ней изъяны. Просто во второй раз он их не нашел. История сложилась, и самое главное — она отвечала тому, что он в ней искал.

— Это чему же?

— Ответу на вопрос, который ему мучил — кто виноват в смерти его отца?

— Чемберс?

— Нет, Чемберс это пешка. Причем в прямом смысле — пешка. Разменная фигура, мелочь. Скорее всего, легко внушаемый человек, которого убедили в том, что он должен сделать то, что сделал. Убедили даже в том, что это великая и священная миссия, которая важнее его жизни, важнее любой жизни. И даже если он умрет, исполняя ее, его имя не будет забыто, а будет прославлено в истории и через это он обретет бессмертие!

— Тебя что-то понесло. — укоризненно заметила Ника.

— Больная тема?

— Сталкивался с такими. — вздохнул я, не уточняя, в каком именно мире я сталкивался с сектантами. — В любом случае, Чемберс действовал не в одиночку, а это значит, что у него есть сообщники. А где сообщники — там и мозг всей операции. И вот как раз он пока еще находится в тени. И майор понимает это не хуже нас. Поэтому на его вопрос мы пока что не ответили. Максимум — дали направление, в котором может находиться интересующий его ответ.

— А ты не думаешь, что он вытаскивал из нас информацию вовсе не для личного пользования?

— Конечно, думал. Но, как я уже сказал — противостоять этому я не мог. Мне бы денек подумать, выстроить действительно стройную историю без шероховатостей, да еще грамотно вплести в нее тебя, чтобы ты делала ее еще более живой — тогда, может, и вышло бы обмануть его. Но не так, наспех и кое-как, определено, нет.

— Иногда ты меня пугаешь. — вздохнула Ника. — Порой разговариваешь с тобой — вроде свойский парень, может, умный чересчур, зато надежный и такой... сильный. А иногда на тебя как найдет, и я буквально вижу, как у тебя седина в волосах начинает серебриться... У тебя даже взгляд меняется, ты как будто глубоко в себя уходишь в такие моменты.

Я опустил взгляд на Нику:

— Это плохо?

— Это страшно. — очень серьезно ответила она. — Особенно страшно, когда это с тобой происходит в бою. А в бою это происходит с тобой всегда. По крайней мере, сколько я видела.

Я улыбнулся и потрепал ее по волосам, оставляя плохо сформулированный вопрос без ответа.

В дверь постучали, я поднял взгляд. Боец за дверью жестами показал, что сейчас войдет, я кивнул.

Дверь отползла в сторону, солдат сделал шаг внутрь:

— Мы прибываем в академию. Осталось две минуты, и вы на месте.

— Спасибо. — улыбнулся я, и перевел взгляд в окно.

Из-за края окна медленно выползала академия.

Наконец-то я до нее добрался.

Глава 2. Академия

Из окна толком рассмотреть академию мне так и не удалось — поезд ехал по какой-то хитрой траектории, так что тот кусочек, который выплыл из-за края оконной рамы так и остался единственным, что я мог созерцать. Все, что было в этом кусочке — несколько низеньких домиков с зелеными крышами, разбросанных по пологому склону заросшего травой холма, и больше ничего. На академию, конечно, это было похоже мало, хотя мне ли судить — я в этих академиях вообще не учился... Просто вряд ли здесь могло быть еще что-то, кроме академии.

Перрон, на который мы ступили, один в один напоминал тот, что принимал нас в Винозаводске. Он тоже явно не был рассчитан на большое количество проходящих через него пассажиров, и представлял собою просто бетонную площадку, даже без крыши. Никаких строений, шлагбаумов, или чего-то еще на перроне не было. Не было даже банальных лавочек, на которых можно было бы посидеть в ожидании поезда — перрон одним только своим видом четко говорил, что он не предназначен для того, чтобы ждать на нем поезда. С него предполагается в эти поезда только садиться.

Но, как ни странно, ожидающие на перроне были. Только вряд ли они ожидали поезд. Скорее уж, тех, кого этот поезд привез.

Ожидающих было трое. Первой была немолодая пышная женщина со светлыми, завитыми в крупные кудряшки, волосами, одетая в нежно-розовую... то ли накидку, то ли тогу, сложно понять — какое-то покрывало, хитрым образом несколько раз сложенное и закрученное. На носу мадам сидели маленькие очки без дужек, держащиеся на одной только переносице — мадам читала книгу. Какой-то маленький томик в твердом переплете, который можно было держать даже в раскрытом состоянии даже одной рукой.

Второй руки у мадам не было. Сначала мне показалось, что я просто не вижу ее за складками ее накидки, но присмотревшись, я понял, что накидка ни при чем — у нее действительно не было второй руки. Впрочем, не похоже было, что ее это как-то беспокоит — прямо на моих глазах она ловко перевернула страницу книги прямо той же рукой, что держала — просто провела большим пальцем справа налево и готово.

Вторым встречающим был высокий мужчина. Естественно высокий, он возвышался надо мной на добрых две головы, а, чтобы рассмотреть Нику, ему, наверное, вовсе пришлось бы наклоняться и поправлять очки. Что у них тут, мода такая, что ли, в очках ходить?

У мужчины очки тоже были маленькие, но прямоугольные, похожие на два коротких клинка. Сходство усиливалось еще и тем, что они нещадно бликовали, мешая рассмотреть глаза, будто солнце специально посылало все лучи под та-

ким углом. Прическа у мужчины была утилитарная, но не без чувства стиля — виски были высоко выбриты под короткую щетину, а все остальное коротко подстрижено и поставлено колючим ежиком. Хорошая стрижка, толковая — и ухаживать за ней легко, и в драке за такие волосы не ухватишь, и не сверкает на солнце как голая лысина.

А вот одет мужчина был не в пример... Страннее. На нем была какая-то мешковатая черная хламида, висящая как простыня на вешалке, из-за чего прочесть его фигуру было решительно невозможно. Точно так же выглядели и штаны, если, конечно, это были штаны, а не натуральный мешок от картошки, в котором прорезали две дырки и просунули в них ноги. Как он вообще в этом ходит?

Кстати, обуви на мужчине не было. На бетоне, хоть и, возможно, нагретом солнцем, он стоял прямо босиком.

Цирк уродов какой-то, честное слово... Кто отрядил клоунов встречать нас?

Хотя нет, слова про уродов пришлось взять назад, когда я рассмотрел третьего встречающего нас персонажа. В другой одежде, а конкретнее — красном с золотистыми полосками, спортивном костюме, облегающем тонкую стройную фигуру, я ее не сразу узнал. А когда узнал — долго не мог поверить, что это она.

Это была Чел. Свои шикарные длинные волосы она собрала в косу, чем немало ее укоротила, и одного только этого хватило бы, чтобы не узнать девушку. А тут еще и такие

радикальные перемены в одежде...

Но это точно была Чел. И лучше всех знакомых черт внешности это подтвердил до тошноты знакомый голос, который я услышал еще в пяти шагах от встречающих:

— Ну вот и они, стало быть.

Как всегда — совершенно очевидный комментарий, без которого вполне можно было и обойтись... стало быть.

Мы подошли к встречающим и остановились перед ними. Мужчина, будто бы того момента не замечавший нас, медленно наклонил голову, взирая сверху вниз, и заговорил:

— Здравствуйте.

Его голос был низким и бархатистым, таким же обволакивающим, как и его одежда. С таким голосом впору идти в хоровое пение, а не подрабатывать в академии... Кем бы он тут ни был.

— Здравствуйте, директор Вагнер. — коротко наклонила голову Ника, будто бы имитируя поклон.

А я потихоньку выпадал в осадок. Поверить в том, что это — директор той самой гимназии реадиза, было решительно невозможно. Да и потом — что, директору больше заняться нечем, кроме как самолично встречать опоздавших на занятия учеников не платформе?.. Да еще и босиком?..

Чушь какая-то... Может, я на самом деле все еще валяюсь под капельницей с амиксом, а события прошедшего дня мне только чудятся?

— Здравствуйте, Доминика. — тем временем прогудел

директор. — Рад видеть вас в добром здравии. А вы, должно быть, Серж.

— Стало быть. — не удержался я и улыбнулся.

— Очень наслышан о вас и ваших... — директор усмехнулся. — Подвигах.

Я развел руками, всем своим видом показывая, что я тут ни при чем.

— Вы способный ученик, Серж, это сразу понятно любому, кто решит собрать о вас информацию. — продолжил директор. — Если, конечно, вас вообще можно назвать учеником. Если я правильно понимаю, в каких-то областях вы легко дадите фору кому угодно... Впрочем, это мы узнаем чуть позже. А пока что я рад официально приветствовать вас в международной академии дизайна реальности.

Дизайн реальности, стало быть. Реа-диз. Навыдумывают же всякой пафосной чуши, магии во всех мирах одинаковы.

— Я знаю, что вас задержали некоторые обстоятельства, которые от вас не зависели, и я с удовольствием выслушал бы от вас обоих рассказ об этих событиях. — продолжил директор. — Но это тоже позже. Сейчас же мы ждем здесь, чтобы проводить вас напрямую на церемонию начала нового учебного года в академии... Ну и, конечно, чтобы лично убедиться в том, что вы наконец-то добрались до нас в целостности и сохранности. Ваш багаж, прибывший еще с первым поездом, уже разгружен и ожидает вас в ваших комнатах — об этом позаботился ваш брат, Доминика. Смышленный малый, кста-

ти, я чувствую в нем неплохой потенциал.

— Он будет польщен такой характеристикой. — улыбнулась Ника.

Директор поднял руки и хлопнул в ладоши, хотя хлопок широченных рукавов при этом и то вышел громче:

— Что ж, не будем более заставлять всех собравшихся в главном зале ждать! Челси, проводите, пожалуйста, гостей, а мы с Мартой пойдем другим путем. Увидимся в главном зале. Доминика. Серж.

Произнеся наши имена, директор кивнул каждому из нас, после чего развернулся и пошел прочь. Мадам, так и не проронившая ни слова за все это время и даже не оторвавшаяся от чтения, наконец захлопнула ее и последовала за ним. Я проводил их взглядом вплоть до момента, когда они спустились с платформы, и перевел взгляд на Чел:

— Ты что здесь делаешь?

— Преподаю, стало быть. — Чел пожала плечами. — В этом году меня отрядили в академию на должность преподавателя от Линии Воздуха.

— Чего? Это как?

Брови Чел взлетели вверх, она повернулась к Нике:

— Ты ему ничего не рассказала про академию?

— Интересно, когда? — фыркнула в ответ Ника. — У нас тут Ратко на АГАТе, и майором погоняет!

Да, суть последних дней даже я не смог бы передать лучше. Не в бровь, что называется. а в глаз.

— Короче, если совсем коротко, то Чел теперь один из преподавателей... — соизволила объяснить Ника. — Преподаватель по линии воздуха... А что Анна?

— Отозвали, стало быть. Все эти решения вообще в последний момент принимались, меня чуть ли не с кровати прямо в поезд запихнули.

Ах, так вот что значила ее фраза «Я не смогу тебя защитить по пути в академию». Я же уже тогда подумал, что это звучит как-то странно, нелогично — ведь и так понятно, что, исполнив свое обещание защищать меня, пока я не поступлю, дальше заниматься этим неблагородным делом она уже не будет обязана. А на тебе — оказывается, она и в академии оказалась за тем же самым.

Назревает логичный вопрос.

— Меня в академии ждет опасность?

Чел и Ника переглянулись.

— Сложный вопрос. — вздохнула новоиспеченная преподавательница. — Я не могу тебе на него ответить. К счастью, патриархи Висла и Беловых вовремя подметили, что в мире творится какая-то нездоровая движуха, и подсуетились заранее, посылая в академию меня... Потому что совершенно очевидно, что эту движуху мутят Ратко, и ее центром являешься ты. А то, что произошло уже по пути в академию, вообще перевернуло привычный уклад вещей с ног на голову, стало быть. До этого момента даже дарги ни разу не нападали на поезда с абитуриентами, не говоря уже о других реадизай-

нерах. Поезд это, конечно, официально не город, но за все время существования реадиза в этом мире, еще ни разу два реадизайнера не пытались выяснить отношения в поезде.

— Ладно, поезд это не город. — кивнул я. — А академия? Она считается как город? Здесь тоже действует Кодекс?

— На этот вопрос у меня тоже нет ответа, стало быть. — Чел развела руками. — Потому что за все время существования академии никому еще не приходило в голову пытаться нарушить Кодекс на ее территории. Стало быть, мы просто не знаем, находится ли академия во власти Арбитра.

— Арбитра? — переспросил я. — Я думал, их много.

— Спорный момент. — вмешалась Ника. — Никто точно не знает, потому что никто не знает, что вообще такое Арбитр. Совершенно точно несколько Арбитров видели одновременно в нескольких точках мира, но при этом они выглядели совершенно идентично, вплоть до рисунка колыхания их одеяний в один и тот же момент времени. Целые комиссии создавали по Арбитрам, но так ничего и не выяснили. Короче, это неважно, один он или много их, главное что сюда их даже не пытались вызвать.

— То есть гипотетически Ратко все же могут напасть на меня здесь, в академии?

— Если уж они решились напасть на тебя даже в поезде, то определенно — могут. Гипотетически, стало быть, но могут. На самом же деле это возможно только при одном условии — если они как-то проберутся через мертвое кольцо, ведь

прямо сюда они не способны открыть портал. А я, честно сказать, не могу себе представить, чтобы они решились на такое опасное путешествие. Еще раз поезд академии сюда не поедет — все ученики наконец в сборе, как им еще сюда попасть? Вот и я не знаю, стало быть.

— Ну, хоть какие-то радостные новости. — улыбнулся я. — Значит, ваша уверенность в том, что в академии я буду в безопасности, строилась не на том, что я стану реадизайнером и Ратко не смогут меня атаковать, а на том, что они сюда просто не попадут?

— И то, и другое. — не стала юлить Ника. — Главное, что нападения прекратятся, а по какой причине — это уже не столь важно.

— Ладно! — я хлопнул ладонями по бедрам, обрывая диалог. — Нас там вроде ждут где-то, давайте уже не будем тянуть время!

Чел улыбнулась, тряхнула головой, развернулась и повела нас прочь с платформы.

Как объяснили, перебивая друг друга, Ника и Чел по пути в главный зал, академия состояла из так называемых «блоков». Был жилой блок, включающий в себя общежития для студентов, был тренировочный блок для отработки техник и для спаррингов, был теоретический блок, в котором предполагались занятия исключительно теорией дизайна реальности. Еще был административный блок, в котором находж-

дение студентов дозволялось только по уважительным причинам. Например — открытие учебного сезона.

Административный блок представлял собой высокий белый шпиль, утыкающийся прямо в низкие облака. Снизу он был широким и круглым, и, чем выше, тем он становился тоньше, в итоге принимая форму, близкую к фанфарам королевских трубачей. Если бы, конечно, трубачу пришло в голову поставить свою дудку раструбом вниз.

Шпиль был окружен цветущими садами, огражденными живой изгородью. В саду отчетливо раздавались трели птичек, и, кажется, бегали даже какие-то маленькие зверушки. Пахло свежестью и чем-то растительным. После сухой пылящей земли пустошей, в которой из растительности — только камни и местами АГАТЫ, эти сады выглядели настоящим оазисом.

Главный зал располагался на первом этаже шпиля, прямо за широко распахнутыми стеклянными дверями. Размером с добрую половину футбольного поля, он был занят пятью длинными и широкими столами, стоящими параллельно друг другу. На белых скатертях сверкало несметное множество тарелок, полных самых разных блюд — аж глаза разбежались от такого разнообразия. Птица, рыба, мясо, овощи, фрукты, выпечка, супы, десерты, напитки, еще что-то совершенно непонятное — все стояло в совершенно хаотичном порядке и на первый взгляд даже будто бы не повторялось. Некоторые блюда были накрыты уже знакомыми мне желез-

ными колпаками, и вообще все это больше походило на какой-то званый вечер, совмещенный с пиром, нежели на открытие учебного сезона в академии дизайна реальности.

Тем не менее, сидевшие за столами люди явно были абитуриентами. Одетые пока еще в гражданскую одежду самых разных цветов и фасонов, с разным цветом кожи, разным разрезом глаз, кое в чем все были примерно похожи — в возрасте. От восемнадцати до двадцати одного года. Больше трехсот юных умов, готовых в будущем стать реадизайнерами.

Но сейчас, судя по взглядам, они готовы были только растерзать нас троих за то, что мы задерживаем церемонию, и, судя по всему, обед тоже.

Не знаю, как группировались студенты за столами, но свободные два места были только у среднего стола, прямо возле выхода. Может быть, местные, так сказать, аборигены и считали эти места плохими и пытались таким образом поставить нас на место... Что ж, в таком случае они жестоко ошиблись, потому что именно эти места я выбрал бы, если бы мне позволили выбирать. Наплевать, что отсюда ни черта не видно, что происходит в другом конце зала, к чему, видимо, стремились все остальные. Главное, что отсюда легко покинуть помещение в случае какой-то непредвиденной ситуации.

А я, как показывает практика, то ли притягиваю всякие непонятные ситуации, то ли сам их генерирую.

Ника села рядом со мной, ее пальцы немного подрагива-

ли. Она поняла, что я это заметил, и смущенно спрятала руки под скатерть. Склонилась к моему плечу, щекоча волосами.

— Не привыкла просто, чтобы меня сам директор встречал на перроне. — прошептала она мне на ухо. — Пока рядом была Чел, еще нормально было, а сейчас вот... Накрыло.

— Это такая редкость? — удивился я.

— Редкость? — Ника широко улыбнулась. — Да некоторые студенты даже не знают, как наш директор выглядит!

— Ого, и что же заставило его выйти к нам навстречу? Он правда хотел лично познакомиться с нами? То есть со мной? Тебя-то он уже знает.

— Закатай губу. Скорее всего, он тебя просто проверял.

— Проверял? Это как?

— Если бы я знала. Но иногда Адам Вагнер встречал вот так вот абитуриентов на перроне, и, после недолгой беседы, разрешал им проходить на территорию академии.

Голос Ники немного дрогнул, она отвела глаза.

— А иногда?.. — продолжил мысль я.

Ника снова подняла глаза:

— А иногда не пускал и разворачивал обратно.

Глава 3. Бабуля

По залу разнесся тонкий раскатистый требовательный звон, словно кто-то стучал серебряным ножом по изящному бокалу с дорогим шампанским. Только вот в зале такого размера, как этот, не то что бокал - даже корабельная рында вряд ли звучала бы так громко и пронзительно, как этот звук непонятной природы. И шел он явно откуда-то из начала зала, с небольшого помоста, или даже скорее миниатюрной трибуны, которую с моего места было видно плохо.

Впрочем, учитывая, кто на ней стоял, это не имело никакого значения. Директор Вагнер и без трибуны легко бы возвышался над всеми сидящими в зале студентами, а с ней так и вовсе выглядел настоящим колоссом. Он опустил палец, которым до этого болтал в воздухе, порождая тот самый звук, и обвел нас всех долгим взглядом. Настолько долгим, что я даже успел заскучать, пока он медленно поворачивал голову от одного конца зала к другому. Одно только это и позволяло сделать вывод, что он нас осматривает - глаза его по-прежнему скрывались под очками, которые отчаянно бликовали.

В помещении. Бликовали.

- Дорогие студенты! - громко, явно не без помощи реадиза, на весь зал произнес директор. - Я рад вас приветствовать на очередном курсе обучения молодых специалистов

дизайна реальности! Как вы знаете, у нас произошла небольшая заминка, из-за которой все мероприятия, включая церемонию открытия учебного курса, и сами занятия пришлось сдвинуть на один день, но, уверяю вас, это не скажется на продолжительности обучения. При необходимости мы переконфуем учебную программу так, что задерживаться здесь дольше положенного вам не придется. А теперь по традиции, каждому из вас будет выдан ваш личный экземпляр Кодекса реадизайнера, которого отныне вы должны будете придерживаться при принятии тех иных решений.

Едва он это сказал, как по столам пронесся вихрь. Он дернул скатерти, всколыхнул супы в глубоких мисках, и принес со своими порывами тонкие буклетики, каждый из которых аккуратненько лег прямо перед своим студентом. Все буклетики были абсолютно одинаковые - небольшие, размером с ладонь, черные с золотистой полосой по краю. Больше ничего на них не было - ни единой надписи, ни какого-то рисунка.

- Прочитаете их вы потом. - продолжил директор. - Не все из вас знаю, что такое Кодекс, но я скажу так - это сборник правил, каждое из которых было выстрадано поколениями реадизайнеров. Кто-то лишился здоровья, кто-то - даже жизни, пока эти правила не были сформулированы. Никто не гарантирует, что Кодекс исчерпывается этими правилами, потому что никто не знает, что вообще такое представляет из себя дизайн реальности и контролирующие его сущности. Однако доподлинно известно, что если Кодексу не следовать

- наказание последует мгновенно. Становясь реадизайнерами, вы принимаете на себя нелегкую ношу защиты человечества от угрозы даргов. Вы становитесь щитом человечества, живым оружием. Дизайн реальности появился одновременно с даргами не просто так. По закону природы, не терпящей пустоты и дисбаланса, он появился как оружие против даргов, как способ помочь человечеству выжить в изменившемся мире. Мы - способ помочь человечеству выжить.

При этих словах кто-то среди студентов вполне отчетливо хмыкнул. И это явно был не один человек, а как минимум трое разных. Поглощенный монологом директора, я не сразу обратил внимание на это, а когда обратил, то уже не смог понять даже направления, откуда эти презрительные звуки исходили.

А директор их будто и не слышал, он продолжал вещать дальше:

- Так же хочу напомнить вам о правилах нашей школы. В административный блок разрешается заходить только либо с преподавателями, либо по неотложным делам, либо во время массовых мероприятий. По всем прочим вопросам обращайтесь к любому ближайшему преподавателю, все они инструктированы на такой случай. Доступ в тренировочный блок разрешен только во время занятий с преподавателями, в том числе индивидуально. Любые конфликты и попытки их разрешения силовыми методами будут наказываться, как и нарушения внутренних правил академии. Первый курс, это

особенно касается вас - с правилами академии вы познакомитесь в своих комнатах. Ну а сейчас, пожалуй, закончим на этом. Я рад вас всех приветствовать в академии, и надеюсь, что вы хорошо проведете здесь время. Удачного вам учебного сезона.

Директор сошел с трибуны, где-то в толпе раздались вялые хлопки ладошек. Основная же масса студентов сразу потянулись к тарелкам и блюдам, расхватывая и разливая еду. Мой сосед напротив, даром что тощий как жердь и узкоглазый, нахватал себе на тарелку целый десяток пирожков с аппетитной золотистой корочкой, завалил их горкой кисло пахнущего салата из тертых капусты и моркови, а с другой стороны подпер ее штабелем из крошечных шашлычков на деревянных шпажках. Получившаяся в итоге гора еды была высотой узкоглазому почти по плечо, но его это будто не смущало. Разве что он быстро огляделся по сторонам, будто раздумывая, а не украсить ли получившуюся мечту гурмана чем-то еще, но вместо этого наткнулся на мой взгляд.

- Чё надо? - моментально окрысился он, показав мелкие острые зубы.

Я миролюбиво улыбнулся, пожал плечами и отвернулся, изучая стоящее перед мной блюдо с запеченной под сыром красной рыбой.

Да, стол натурально ломился от яств. Даже представить себе трудно, что в мире, большая часть которого занята пустошами, на которых царствуют дарги, может быть такая ши-

карная еда. Не то чтобы я до этого плохо питался - отлично питался, но это не идет ни в какое сравнение с этим великолепием. Все равно что взять в руки лук работы великого мастера после того, как год бегал по лесу с кривой палкой и натянутой на нее веревкой из лианы.

- Тут что, каждый день так кормят? - задал я вполне логичный вопрос Нике.

- Нет, конечно. - усмехнулась она. - Такое пиршество только на открытие учебного сезона и на закрытие. В остальное время пищу принимают... так сказать, на дому, то есть в общежитиях. И пища намного проще.

- Понятно. - вздохнул я, все же отрезая себе кусок облюбованной рыбы и наваливая к ней горку мелкой круглой картошки, поджаренной до сочного золотистого цвета.

- Грустно, да. - согласилась Ника, выбирая двузубой вилкой в горке стейков тот, из которого вытечет побольше сока. - Я бы не отказалась так питаться ежедневно. Хотя, наверно, преподаватели и директор так и делают. Надо будет у Чел спросить, чем их кормят.

- Кстати, насчет этого. - вспомнил я. - Ты же говорила, что директора даже не все ученики знают в лицо... А он тут прямо перед всеми выступает каждый год.

- Кстати, не каждый. - ухмыльнулась Ника. - Я например его вижу только второй раз. Иногда за него выступает его заместитель - помнишь ту однорукую тетку на вокзале? Вот, это она. Впрочем, даже если бы директор выступал самолич-

но каждый год, все равно половина студентов вместо того, чтобы смотреть на него, гипнотизирует тарелки с едой.

И Ника незаметно, но выразительно указала глазами на узкоглазого напротив, который уже умял все шашлычки и теперь ел пирожки, держа их сразу в обеих руках и поочередно откусывая то от того, то от другого.

- Ладно, а Чел? Я вообще не понимаю, как тут устроено обучение, поясни?

- Да ничего сложного, в общем-то. - Ника пожала плечами, отправляя в ротик кусок сочного розового мяса. - Есть преподаватели от каждого клана, они занимаются тем, что преподают ученикам базовые техники - те, которыми в теории может овладеть каждый реадизайнер. То есть, та же Чел например будет показывать техники Линии Воздуха, моя тетька Астра - техники Крови, ну и так далее. Повторяя их, каждый из студентов будет невольно проявлять склонность к той или иной Линии, что по итогу первого учебного сезона позволит преподавательскому совету вывести его итоговую склонность и посоветовать ему подходящую ему Линию, конечно, в том случае, если эта Линия внезапно будет отличаться от той, что дана ему по рождению... Ну, как у дяди Ричарда. Редко, но такое случается.

- Интересно, какой портрет в итоге нарисуют мне? - усмехнулся я, цепляя с тарелки последнюю картофелину. - Ладно, прямо сейчас меня интересует кое-что другое... Ты сказала, что тут представители всех кланов и Линий собрались... А

что насчет Ратко?

- Да, конечно, представитель линии Ратко тут тоже присутствует. - невозмутимо кивнула Ника. - Персефона Ратко, преподаватель базовых техник работы с праной, чуть ли не самый первый преподаватель, к которому ты попадешь на занятие.

Я нахмурился, все еще держа последнюю картофелину на вилке:

- Почему ты так спокойно об этом говоришь? Разве присутствие здесь Ратко не подвергает меня опасности? Пусть даже она и преподаватель?

- Ты слишком много о себе мнишь, дорогой. - улыбнулась Ника, приканчивая свой стейк. - Во-первых, тётя Фона - добрейшей души человек. Она такая... В общем, она и мухи не обидит, можешь мне поверить. Однако, не нужно воспринимать ее характер за слабость - в том, что касается обращения с чистой праной, она сама сильная во всем мире. Она способна создавать из праны такие конструкции, что даже АГАТ рядом с ними покажется детским конструктором.

- Ты вот сейчас вообще не успокоила. - признался я. - Пока что ты только возводишь образ врага в степень абсолютной опасности.

- Ну хорошо, тогда вторая причина. - Ника положила вилку и нож на тарелочку параллельно друг другу. - Персефона Ратко, в первую очередь, преподаватель, а уже во вторую - представитель клана Ратко. Ты, возможно, будешь удивлен,

но клан Ратко вовсе не желает твоей смерти в полном своем составе. Мало того - по большому счету, ее желает только твоей биологический отец, и в меньшей степени - его сыновья. Честно говоря, даже не знаю, чем он их привлек к этой самоубийственной миссии, но на их месте после того, как уже двое из них вышли из игры, я бы на месте оставшихся сильно задумалась бы, а стоит ли вообще игра свеч? Чего бы там Себастьян им не наобещал, вряд ли это звучало интереснее, чем возможность спокойно дожить свою жалкую жизнь...

- Ты ушла от темы. - напомнил я.

- Ах, да. Так вот, тетя Фона, несмотря на то, что она тоже из Ратко, по сути, уже давно Ратко не является. Она и из академии-то не выбиралась уже много лет, как и директор и несколько других преподавателей, которые кланы не собираются менять, она живет прямо здесь. Это устраивает и ее и остальных Ратко, которые считают ее слишком мягкой для своего клана... Но это между нами, это только слухи и вообще я такого не говорила...

- Нет-нет, погоди! - я заинтересовался. - Что значит "слишком мягкой"?

- Ну, как тебе сказать... Я же рассказывала о том, что форсы Ратко по сравнению с форсами других линий - что свисток против паровозного гудка, вот они и пытаются нивелировать это собственной агрессивной политикой. У Ратко очень мало союзных кланов, зато очень много кланов, кото-

рым они в свое время перешли дорогу, пытаясь влезть во все возможные ниши на всех возможных рынках. Они продвигали свое владение чистой праной как абсолютное умение, способное помочь везде, где только угодно, хотя на проверку выяснялось, что это далеко не так. А тетя Фона, даром что она не патриарх клана, как не последний человек в академии, уважаемый человек в академии, в клане имеет какой-то вес, и по своей душевной доброте постоянно пыталась сглаживать острые углы и гасить конфликты. Разумеется, это противоречило агрессивной политике Ратко и они начали... Как это ни жутко звучит, травлю члена собственного клана... Ну, как травлю. Они просто старались делать вид, что Персефоны не существует, что она в клане никто, постоянно упоминали про ее возраст, постоянно задвигали ее мнение на задворки, в общем, делали все, чтобы выставить ее чуть ли не сумасшедшей бабкой в маразме. И в итоге лет так десять назад Персефона приняла решение переселиться в академию на постоянной основе и доживать свой век здесь, найдя призвание в том, чтобы учить молодых реадизайнеров.

- Изгой собственного клана... - пробормотал я, рассматривая картофелину на вилке. - Как же мне это знакомо...

- Ну, вот видишь. - кивнула Ника. - А ты боялся, что что-то может пойти не так. Тетя Фона она даже не в курсе новостей о клане. Насколько я знаю, последние несколько лет все ее мысли сосредоточены исключительно на академии и ее процветании. Она вроде бы даже из кольца не выбирались

ни разу за последние пять лет, трудоголичка, понимаешь ли.

- Топит себя в работе. - усмехнулся я. - Старается не вспоминать предательство собственного клана... Кстати, а может ли реадизайнер покинуть клан?

- Официально - нет. - Ника пожала плечами. - Ведь клан это... Просто общая фамилия, по сути. Ну, некоторые небольшие плюшки вроде той самой паутины, по которой передаются самые важные сигналы. По сути, клан это генетическая линия. Как ты от нее избавишься?

- А как люди переходят в другие Линии? - парировал я.

- Ну, мутации. - Ника пожала плечами. - Если предположить, что за склонность к реадизу отвечает какая-то комбинация генов, которая у части людей есть, а у части людей ее нет - эта идея становится очень даже убедительной. Мало того, есть целая теория, утверждающая, что реадизайнеры это, по сути, новый вид существ, который превосходит людей и который появился в ходе естественной эволюции как ответ на угрозу даргов. Впрочем, никакого толкового подтверждения этому пока не нашлось. Правда, опровержения тоже - живые реадизайнеры не позволяют себя резать, а мертвые, после выброса праны, ничем не отличаются от обычных людей.

- А если меня определяют по итогам первого курса в клан Ратко? Ты говорила, туда пошлют запрос о моем вступлении? Есть вероятность, что меня примут?

- Ты какие-то странные вопросы задаешь. - Ника прищу-

рилась. - Имей в виду, принадлежность к одной Линии формально не защищает реадизайнеров друг от друга. Мало того, история даже знает парочку дуэлей между единокровками и даже одно убийство внутри клана.

- Не переживай, я для общего развития интересуюсь. - успокоил я Нику.

- Если патриарх согласится тебя принять, то вступить ты сможешь. Но Себастьян, как пить дать, узнает о твоём желании вступить в клан раньше, и, боюсь, выложит всю ситуацию патриарху. Тогда, конечно, тот моментально зарубит твою заявку. Как минимум потому что ты еще неизвестно, что за хрен, а Себастьян - проверенный и давно зарекомендовавший себя член клана.

- Бешеный шакал, а не член клана. - ухмыльнулся я. - И сынки его шакалята.

- Шакал не шакал, а свой кусок мяса в общий котел клана он приносит. - Ника аккуратно промокнула губы салфеткой. - И за это его ценят. В Ратко вообще чем ты агрессивнее и неуравновешеннее, тем лучше. Парадокс, но в клане, у которого меньше всех реальной силы, именно эту силу и ценят превыше всего.

- Если так, то они бы не сослали Персефону. - заметил я. - Наоборот, ходили бы под ней, не смея возразить.

- Персефона женщина. А в кланах издревле сложилось, что патриарх всегда мужчина. И слово патриарха всегда выше слова любого другого члена клана. Если бы это бы-

ло иначе, тогда да, под руководством Персефоны клан Ратко стал бы милейшими пушистыми белыми овечками, которые с превеликим удовольствием помогали бы всем чуть ли не задаром. И, как ни печально это признавать, с такой линией поведения они скоро бы вымерли, выброшенные со всех возможных рынков. Слабые не выживают. Если ты слабый, но создаешь впечатление сильного - выживаешь. Если ты сильный, но создаешь впечатление слабого и не желаешь проявлять свою силу, как Персефона - опять же не выживаешь.

- Пока что вроде выживает. Хотя, конечно, жить в постоянной изоляции, никуда не выбираясь, топя себя в работе... Кем надо быть, чтобы находить для себя столько работы?

- О, это очень просто. - улыбнулась Ника. - Всего лишь заместителем директора.

Глава 4. Комендант

Наверное, Ника специально ждала, когда я все доем, прежде чем выдать эту замечательную новость. Если так, то ее расчет сработал безукоризненно — если бы она сообщила, что Персефона Ратко уже видела меня, и я видел ее, то аппетит мой... Ну не пропал бы, конечно, насовсем, но отбило бы мне его знатно, и вряд ли я смогу бы так же от пуза наестся, как сейчас.

А сейчас... А сейчас жертвой новости стала лишь последняя картофелина, которую я после услышанного положил на тарелку и больше к ней не притронулся.

Впрочем, к тому момент обед уже заканчивался. Блюда почти опустели, как и тарелки студентов, и все чаще звон столовых приборов прерывался не на короткую паузу, необходимую, чтобы прожевать и проглотить, а уже насовсем.

Один только мой сосед напротив, казалось, не собирался останавливаться — перед ним на тарелке лежало еще два пирожка, и еще один он поглощал прямо сейчас.

Я поднял голову и быстро огляделся. Ни директора, ни кого-то из преподавателей видно не было, в том числе и Чел, к которой у меня еще оставались вопросы. Надо думать, у них какое-то организационное собрание, что ли...

Тогда я перевел взгляд на Нику:

— Что теперь?

— Ну вообще, теперь заселение. — Ника улыбнулась. — Для нас, в смысле. Остальные-то здесь уже давно, и успели заселиться.

— И куда нам заселяться?

— А это мы выясним у комендантов общежития. Так что если ты закончил, то вставай и пойдем. Вот, некоторые уже потянулись на выход.

Ника кивнула на несколько пустых мест за столами, на которых совсем недавно еще сидели студенты.

— А они куда? Ну, если они уже заселились? — нахмурился я.

— Да кто их знает? — Ника пожала плечами. — Гулять, тренироваться, на реку, может. Сегодня свободный день, занятия начнутся только завтра. Сегодня последний день свободы, так сказать.

— Мы вроде в академии, а не в тюрьме. — хмыкнул я, вылезая из-за стола. — Или я опять не в курсе чего-то?

— Да всего ты в курсе. — махнула рукой Ника, выбираясь тоже. — Просто, может, немного не так воспринимаешь все, что происходит.

Я подождал Нику возле распахнутых дверей и пошел следом за ней по зеленеющему саду:

— Ну так объясни, что я не так воспринимаю?

— Ну, если посмотреть вокруг, то академия кажется таким... райским местечком, чуть ли не курортом. — Ника обвела вокруг себя рукой. — Теплая река, цветущие сады, мно-

го вкусной и разнообразной еды... Так оно все выглядит на первый взгляд.

— А на второй? — напрягся я.

— А на второй... Ты заметил, что множество студентов даже глаза на директора не поднимали?

Я мотнул головой:

— Не вглядывался. Я сам смотрел на директора.

— Как и все первокурсники. — кивнула Ника. — Для них это все в новинку и попадание в академию кажется прямо-таки праздником. На самом же деле, эта академия — все равно что военная школа. Здесь не учат, здесь тренируют. Каждый день проходит в соответствии со строгим распорядком. Когда надо — подъем, когда надо — такие-то занятия, когда надо — другие занятия. Строго выверенные по времени приемы простой и незамысловатой пищи, отбой в определенное время. Это и есть правила академии, о которых говорил директор. И во время первого обеда первокурсники ничего это не знают. Конечно, им рассказывают о том, как обстоят дела в академии те, кто из нее возвращаются на каникулы, или совсем... Но представь себя на их месте — если бы тебе рассказали подобные боляки об академии и ты ехал бы сюда немного напряженным, но потом увидел бы, как тут все красиво и как тебя принимают на уровне самого высшего гостя — поверил бы ты тем рассказам?

Я хмыкнул, не став уточнять, что как раз я бы и поверил. Да не просто поверил — я и так уже давно подозревал ка-

кой-то подвох. Слишком уж явным было все это пускание пыли в глаза.

— Вот и эти неофиты восхищенно озираются вокруг, восторженно поглощают еду, наслаждаются теплой водой в реке и мягкой травой и ярким солнцем на тренировочном поле, даже не подозревая о том, что через несколько часов все переменится. Первый подъем в шесть утра, первый завтрак прямо у себя в комнатах тем, что приготовят, первые сборы на первые занятия, которые надо уложить в строго отведенное и весьма небольшое время... Первый взгляд на вчерашнюю красивую и теплую реку, которая теперь бурлит по острым камням неудержимым водяным потоком, первая прогулка по тренировочному полю, которое теперь напоминает пустошь после бомбардировки... Все эти изменения, произошедшие буквально за одну ночь, потрясают воображение новоиспеченных студентов. Вчерашние отпрыски богатых кланов, выпестованные и выхолощенные в стенах клан-холлов, сегодня должны ползать по грязи и бороться друг с другом под проливным дождем, причем для одного из них дождь становится оружием, а для другого — опасностью. После первого дня очень много студентов всерьез думают о том, чтобы отправиться домой.

— И как?

— Никак. — Ника пожалала плечами, проводя взглядом стайку ребят и девчат, пробежавших мимо в плавках и купальниках. — Поезд ходит строго по расписанию.

Я тоже проводил взглядом студентов. Они тащили с собой надувной матрас и пару раскладных стульчиков. Удивительно — они действительно приехали, как будто на курорт.

— Тогда зачем это все? — спросил я, снова переводя взгляд на Нику. — Весь этот... Обман.

— Все в нашей жизни — обман. — произнесла Ника и в голосе ее внезапно прорезалась горечь и сожаление.

Ника будто разрядилась прямо на ходу. Она ссутулилась, опустила голову и даже шаг замедлила. Пальцы рук принялись нервно трепать кармашки на джинсах, будто Ника не знала, куда их деть.

Я недоуменно поднял брови:

— Поясни?

— Ты же не читал Кодекс. — горько усмехнулась Ника. — Давай я тебе объясню вкратце. Хотя, в общем-то, директор уже все объяснил. Реадиз и его носители, то есть, мы с тобой — это оружие. Оружие не отдельного человека, но всего человечества. Люди не знают Кодекса и никогда его не читали, но... Кодекс вещь простая и невеликая, но даже его умудряются толковать по-разному. И одно из толкований звучит так — реадизайнеры служат людям.

— Служат? Я думал, это сотрудничество... Скажем так, взаимовыгодное.

— Это уже потом так стало. — возразила Ника. — Если действовать только по Кодексу и строго ему следовать, то получается, что реадизайнеры это своего рода особое воинское

подразделение, находящееся на службе у простых людей.

— А вся прочая деятельность как сюда укладывается?

— А она просто не запрещена, вот реадизайнеры этим и пользуются.

— А обман-то тут при чем? — все никак не мог взять в толк я.

— Да при том самом. — досадливо отмахнулась Ника. — Обладая силой реадиза, превосходя простых людей не то что на голову — на два собственных роста, кто согласится признать себя их слугой? Реадизайнеры, по сути, уже много веков обманывают людей, выставляя себя элитой, аристократией нового мирового порядка. Просто пользуются тем, что люди не знают Кодекса, и уж тем более прилагают все усилия к тому, чтобы они его никогда не узнали. Пользуются тем, что люди нуждаются в них.

— Я все еще не понимаю, что плохого ты здесь находишь. — я развел руками. — Эта схема работает, чего тебе еще надо?

— Это пока что она работает. — Ника вздохнула. — Ладно, не думай об этом.

— Ладно. — я пожал плечами. — Только я все еще не понял, при чем тут обман.

— Скажем так, задача академии в первую очередь... как это говорится... Из князи в грязи. — внезапно широко улыбнулась Ника. — Сбить спесь с этих холеных избалованных детишек, если таковые найдутся, и быстренько показать им,

через что им придется пройти, чтобы стать настоящими бойцами.

— И почему тебя это так радует? Вспоминаешь свои приключения и предвкушаешь, как будешь наблюдать за чужими?

— О нет, дорогой. — кровожадно усмехнулась Ника. — Как раз я-то знала, куда попаду. Я готовилась к этому с раннего детства и не вылезала из тренировочных залов. С меня спесь сбивать не надо, я ее сама с кого хочешь соблюю.

— Охотно верю. — улыбнулся я.

— Вот и отлично. Мы, кстати, как раз пришли.

Общежитием оказалось занятное здание, построенное буквой «Н». Два длинных крыла по три этажа в каждом и короткая перемычка между ними, в которой располагались большие стеклянные двери. Прямо за зданием начинался лес, и начинался он как-то внезапно, словно от него ножом откромсали кусок и на освободившееся место пришили клочок с общежитием, а отрезанное выкинули к черту. Величественные деревья разве что не скреблись ветвями в задние стены корпусов. То ли за ними никто особо не следил, то ли наоборот так было задумано — хрен его пойми.

— На первом этаже — первый курс, на втором — второй, на третьем — третий. — объяснил Ника, по-своему истолковав мою заминку. — Переход между корпусами есть только по первому этажу, как видишь... Но кого это останавливает?

— От чего? — не понял я.

Ника рассмеялась, словно я смешно пошутил.

А до меня дошло, что она имела в виду.

— А почему чем выше курс, тем выше этаж? — спросил я, чтобы сменить тему.

— На случай какой-то опасности. — охотно пояснила Ника. — Например, пожара. Студенты третьего курса легко могут себе позволить выпрыгнуть прямо из окон и остаться целыми при этом. Со вторым аналогично, но у них высота поменьше, ведь у них и опыта меньше.

— Значит, тебя я смогу найти на третьем этаже? — улыбнулся я.

— Меня не надо будет искать, — загадочно улыбнулась Ника. — Я и так никуда не пропаду.

— Да ладно? — изумился я. — Если ты сейчас скажешь, что мы и жить вместе будем, то я точно решу, что я все еще под капельницей в больнице! Не бывает так много хороших совпадений одновременно!

— Нет, глупый! — засмеялась Ника. — Конечно, мы не сможем жить вместе, ты же видишь — тут два крыла, одно для парней, другое для девушек! Да и этажи у нас разные.

— Ну вот. — притворно расстроился я. — Ладно уж, веди показывай ваши хоромы, в которых единственному в мире стреломанту придется отныне ютиться.

За дверями общежития скрывался длинный коридор, разветвляющийся на два где-то вдаль. В стенах коридора было две двери — по одной с каждой стороны. Едва только за на-

ми закрылась дверь, как левая дверь открылась и из нее вывалилось непонятное чудо.

Больше всего это напоминало черный мыльный пузырь, на который сверху налепили ту часть швабры, которой, собственно, моют полы. Тоже черную.

Единственное, что выдавало в пузыре человека, просто феноменально толстого — это одежда. Яркая цветастая рубашка, натянутая так сильно, что пуговицы грозились в любую секунду оторваться и смертельными снарядами разлететься во все стороны, и широченные брюки, в каждую штанину которых можно было засунуть двух меня. На ногах у толстяка не было никакой обуви. Наверное, обуви под такой размер просто не существовало.

А швабра на вершине пузыря оказалась волосами. Длинными и густыми дредами, украшенными всякими ленточками и бусинками.

— Привет, Драйз! — весело замахала рукой Ника, привлекая внимание толстяка.

Я в это время упорно пытался понять, как это нечто вообще прошло через дверь, которая объективно была в полтора раза уже, чем самая узкая часть этого жуткого человека.

Заметив нас, он тоже поднял руку, правда, только до плеча — выше у него, кажется, просто не получалось, — и помахал тоже. На голове внезапно прорезалась щель, в которой блеснула сногшибательно-белоснежная улыбка.

— Эгей, да это же Ника Висла! — неожиданно молодым

и веселым голосом поприветствовал Драйз. — Я уж думал, ты в этом году решила отказаться от учебы!

— Не дожدهшься! — рассмеялась Ника. — Чтобы лучшая студентка академии, да что-то там пропустила — да ни за что!

— Слыхал, вы в переплет попали по пути в академию? Что-то серьезное?

— Нет, Драйз, все хорошо, не беспокойся.

— А это, надо думать, тот самый, с кем вы в переплет попали? — Драйз перевел взгляд на меня.

— Он самый. — гордо ответила Ника. — Серж Колесников, наш новый первокурсник.

Брови Драйза при упоминании моего имени отчетливо поползли вверх и скрылись под частоколом дред:

— Ах, Колесников! Ну надо же... Я и не знал, что... Хм... Ладно, сейчас. Одну секунду.

Он снова скрылся в своей комнате, наконец раскрыв секрет перемещения внутрь — он просто проходил боком. В первый раз я этого не понял просто потому что не мог понять, где у этого пузыря перед, где зад, а где бок.

— Почему он так отреагировал на мою фамилию? — спросил я у Ники, пока Драйза не было.

Ника пожала плечами:

— Наверное, из-за того, что мы попали... «В переплет». Он же знал, что это была я, и наверняка знал, что со мной был Колесников. Ты, то есть. А теперь узнал, что ты еще и

первокурсник. Вот и удивился.

— Тому, что я Колесников или что я первокурсник?

— Всему и сразу. — улыбнулась Ника. — Между первокурсником, как ты, и третьекурсником, как я, разница почти такая же, как между тренированным реадизайнером и простым человеком. Поэтому он и удивился, что мы оба выжили в одних и тех же условиях.

— Ну-ну, знал бы он всю историю. — усмехнулся я.

— Не стоит. — серьезно сказала Ника. — Драйз крайне эмоционален... Он потом двое суток спать не будет.

— Бедолага. — хмыкнул я.

— Я серьезно. Драйз хороший.

— Такой же хороший, как и весь райский образ академии?

Ровно до завтрашнего утра?

— Нет, Драйз правда хороший. Он всегда был добр к студентам и помогал им по мере возможности. Не смотри, что он толстый, студенты шутят, что он от нервов такой.

— Да не собирался я его обижать. — я махнул рукой. — Дела мне до него нет, если честно.

В этот момент Драйз выкатился из своей комнаты вторично. В руке он держал небольшой планшет, по которому неуклюже елозил толстым пальцем.

— Вот. — наконец изрек он. — Ника Висла, понятное дело, третий этаж, двадцать восьмая комната. Твоя соседка все та же. Серж Колесников — первый, понятное дело, этаж, комната тринадцать.

— Повезло. — хмыкнула Ника.

— Ой, перестань! — отмахнулся Драйз и убрал планшет куда-то. Казалось, будто прямо в складки жира. — Суеверия разводите. Держите ключи.

Он вытянул вперед руки, в каждой из которых было зажато по пластиковой карточке — такой же, как использовала Ника в отеле, только без красивых рисунков. Обычные пластиковые карточки.

Я взял свою, и впервые обратился к Драйзу напрямую:

— А наш багаж... Он был в поезде, когда мы... Ну... В переплет попали. Нам сказали, что он нас ждет в общежитии.

— А он уже в комнатах. — махнул рукой Драйз. — О вас позаботились, не переживайте.

— Отлично, спасибо. — кивнул я.

Надеюсь, лук в порядке. Вот все остальное даже не интересует, а лук — очень даже.

— Ну, удачного заселения. — улыбнулся Драйз и снова скрылся в своей комнате.

Мы с Никой дошли до конца коридора, где его пересекал еще один — как раз и соединяющий корпуса между собой. На полу были наклеены две яркие стрелочки, синяя и красная. Синяя указывала налево, красная — направо.

— Давай в комнату, осмотришь там, познакомься с соседом и через двадцать минут встречаемся тут же. — сказала Ника, повернувшись направо. — Устрою тебе экскурсию по академии.

— Добро. — кивнул я.

Ника чмокнула меня в щеку и ускакала к лестнице.

Я же свернул налево, миновал лестницу и пошел вдоль рядов дверей в поисках своей.

Найдя дверь с номером тринадцать, я приложил карточку к сканеру, вспоминая, как это делала Ника в отеле, сканер пискнул, моргнул зеленым и дверь отчетливо щелкнула. Я потянул за ручку и открыл ее.

Моего соседа в комнате не было. То есть, не было сейчас, а вообще, судя по половине комнаты, он тут очень даже присутствовал.

Одна из двух простеньких железных кроватей была не застелена, возле нее стояли растоптанные высокие ботинки, а на тумбочке рядом лежал планшет, очень похожий на тот, с которым сверялся Драйз. Один из двух шкафов в комнате тоже был приоткрыт, и из него торчал кусок какой-то одежды серо-стального цвета.

Больше ничего я особо рассмотреть не успел, потому что сканер за спиной внезапно пискнул, и личинка замка отчетливо щелкнула.

Я обернулся, чтобы увидеть своего новоиспеченного соседа, и печально вздохнул.

Да уж, повезло так повезло.

Глава 5. Сосед

Мой сосед, судя по всему, тоже был не особо рад меня видеть. Сложно сказать, был ли он не рад конкретно мне, или его в принципе не устраивало жить с кем-то, и он предпочел бы оставаться один... В любом случае, глаза его недовольно сузились. Учитывая то, что они и без того были узкими, как щели между пластинами ламинарной брони, это вылилось в то, что глаза вообще практически исчезли с его лица.

Моим соседом по комнате оказался тот самый поглощатель пирожков, что сидел напротив меня на обеде и так негативно отреагировал на мой совершенно случайный интерес в его сторону. Он даже сейчас что-то жевал, впрочем, вряд ли это были пирожки. Скорее уж жевательная резинка, судя по размеренному движению челюстей.

Ну да, с таким аппетитом за зубами следует следить максимально тщательно.

С другой стороны, могло быть и хуже. Например, моим соседом мог оказаться один из оставшейся парочки сыновей Ратко... Не знаю, каким образом, но практика показывает, что от этих ребят действительно можно ожидать всего, чего угодно.

Я окинул взглядом соседа с головы до ног. Кроме узких глаз и желтоватой кожи в нем, в общем-то, не было ничего примечательного. Небольшого, — чуть меньше моего, — ро-

ста, худощавый, с коротко стриженными черными волосами. Одет он был в рубашку с короткими рукавами серо-стального цвета и свободные брюки того же оттенка. Брюки свободно спадали на стопы, ложась складками, и рассмотреть, какая обувь была у него на ногах, не представлялось возможным.

Я снова поднял взгляд к лицу соседа, который теперь, помимо глаз, еще и губы сжал в узкую щелочку, совсем лишившись какого-то сходства с живым человеком. Будто маску надел, сделанную из желтого дерева неумелым подмастерьем, который только и может что узкими щелочками намечать глаза и рот.

Я наконец решил нарушить молчание:

— Привет. Я Серж. Твой новый сосед, как сказал Драйз.

— Широ. — коротко, словно бы даже не разжимая губ, прошипел-прорычал узкоглазый. То ли представился, то ли чихнул. — Ты пялился на меня за обедом.

Я едва удержался от усмешки:

— Ну извини. Я в академии впервые, ничего не знаю, осматривался просто.

— В следующий раз осматривайся куда-нибудь в другое место. — нагло задрал нос узкоглазый.

Да уж. не зря я заподозрил неладное с первых секунд, как увидел это чудо. Судя по всему, он из тех, что считают себя круче гор и пытается заставить всех вокруг считать так же. Почти такой же, как Шуба и его компашка в самом начале

моего удивительного путешествия, только из немного другой прослойки населения.

Впрочем, дела это особо не меняло. На место такие типы ставятся все тем же способом, что и гопники типа Шубы. Правда, не в этом случае. Сейчас мне, к счастью, даже делать ничего не нужно — завтрашнее утро, если верить Нике, само поставит всех по своим местам. Вот и проверим, с кем мне придется делить одну комнату целых три следующих года. Окажется ли Широ убогой пустотой, оформленной в форму человека сплошными понтами и наездами, или настоящим человеком с крепким характером и железной волей, который просто пытается никого к себе не подпустить, и потому изображает дикобраза.

Даже не знаю, какой вариант я бы предпочел. В первом случае поставить его на место будет легко, но это будет ненадолго — он ежеминутно будет прощупывать границы дозволенного, и, в случае успеха, наглеть с каждым разом все больше и больше.

Во втором же случае его даже ставить на место будет бессмысленно, потому что этим я ничего не добьюсь, лишь разбужу в нем ненависть к моей персоне, что, вкупе с сильным и волевым характером, мне же самому выйдет боком. Жить несколько лет бок о бок с озлобленным на тебя, но ни на что не способным пустышкой, еще возможно. А вот жить с тем, кто действительно тебя ненавидит — это совсем другое дело.

Так что не буду пока что торопиться с выводами, это не

Шуба, которого я оставил без зубов и оставил в принципе, зная, что никогда его больше не увижу. С этим парнем мне предстоит жить в одной комнате.

— Слушай, ты не видел, мой багаж не приносили? — миролюбиво спросил я. — Сам понимаешь, я опоздал, а багаж мой прибыл вовремя.

— В шкаф. — коротко бросил Широ, разулся на пороге комнаты, прошел внутрь и лег на свою кровать, схватив в руки планшет. Будто моментально забыл о моем существовании.

Я перевел взгляд на свои ботинки, которые не додумался снять при входе в комнату, и решил уже не снимать — все равно сейчас уйду. Только на будущее надо будет поставить себе зарубку в памяти, готов биться об заклад, что и уборщиц здесь нет, и поддерживать порядок в комнатах мы должны самостоятельно.

Я открыв дверь шкафа и с облегчением увидел там свою ненаглядную сумку. Открыв ее и засунув руку в глубину вещей, я нащупал гладкую деревянную рукоять и плоскости плеч.

Обернувшись на Широ и убедившись, что он не обращает на меня внимания, я достал из сумки все части лука и быстро проверил их на повреждения. К счастью, на них не было даже царапин, не говоря уже о чем-то более серьезном. Даже несмотря на то, что неведомый мне носильщик не знал, что в сумке лежит такая хрупкая вещь как лук, он нес и ставил

ее аккуратно, и в итоге ничего не повредилось. Даже стрелы все были целы и невредимы.

Я провели плечи на изгиб, убедился, что они не хрустят под нагрузкой, но на душе все равно было беспокойно. Поэтому я выудил из сумки сложенную в пакетик, чтобы не намочла тетиву, быстро вщелкнул плечи в крепления, и выпрямился. Накинул нижнюю петлю тетивы на законцовку, зацепил изгиб плеча за правую голень и переступил через лук левой ногой. Упирая рукоять в бедро, левой рукой медленно согнул верхнее плечо, готовый при малейшем хрусте ослабить усилие, накинул тетиву на верхнюю законцовку, и расслабил руки, позволяя луку принять рабочее положение. Вышагнул из него, поднял левой рукой, правой взялся за тетиву и медленно потянул на себя.

Конечно, стрелу я не вкладывал, да я и стрелять не собирался, и уж тем более не собирался спускать лук вхолостую. Для меня главное было проверить, чтобы ничего не хрустело и даже не подавало признаков хруста. И, к счастью, так оно и оказалось. Для совсем уж точного результата следовало бы отстрелять пару стрел... Только куда? Не в Широ же.

К счастью, Широ не обращал на меня никакого внимания — продолжал зависать в своем планшете, не забывая жевать жвачку. Что ж, тем лучше для меня.

Снова переступив через лук, я снял с него тетиву, перевернул наоборот и, закрепив в таком положении на законцовках, поставил лук в шкаф. Разбирать его не хотелось —

мало ли что произойдет? Да, собрать его вроде бы недолго, но это же еще и тетиву надо распутать и накинуть, а все вместе это секунды три-четыре, то есть, половины всего времени от приведения лука в полную боеготовность.

Вот же ж... Никак не привыкну к тому, что мне этот лук, по сути, уже и не нужен. Особенно если меня научат, как эффективнее пользоваться своей праной — тогда мне не придется ограничиваться полудесятком выстрелов. А до того момента пускай старый деревянный лук стоит тоже. И стрелы тоже. Лишними не будут.

Еще раз кинув взгляд на Широ, я подошел к двери с намерением покинуть комнату, но торопиться с этим не стал. Я только сейчас заметил, что с внутренней стороны двери, прямо на дереве были то ли написаны, то ли выдавлены, то ли выжжен какой-то список, заключенный в рамку. Я приоткрыл дверь внимательнее — оказалось, это те самые правила академии, которые директор нам обещал в комнатах. Что ж, оформить их подобным образом — отличная идея, как по мне. Точно никто не отмажется, что правил не было, что их не увидели, что их сорвало ветром или еще что-то произошло.

Итак, правила академии.

После отбоя запрещены любые перемещения студентов за пределами корпуса общежития, за исключением мероприятий, организованных преподавательским составом.

Запрещены любые азартные игры в любом их проявлении.

Студенты обязаны следовать распорядку дня, расписанию учебных занятий и расписанию дополнительного образования, при его наличии.

Студенты обязаны являться на занятия согласно расписанию, без опозданий.

Студенты обязаны на занятиях внимательно слушать преподавателей.

Студенты обязаны исполнять поручения преподавателей, касающиеся учебы и тренировок. Указания старших преподавателей, преподавателей и педагогов дополнительного образования во время проведения ими учебных занятий обязательны для исполнения.

Студентам запрещается самостоятельное применение способностей к дизайну реальности на занятиях без требования преподавателей.

Студентам запрещается самостоятельное применение способностей к дизайну реальности вне занятий, кроме как в случаях тренировки без привлечения сторонних лиц.

Студентам запрещается решать конфликты силовым способом, в том числе с применением дизайна реальности, в том числе в рамках тренировочных поединков.

Студентам запрещается хранить и употреблять на

территории академии наркотические или психоактивные вещества, в том числе те, которые действует только на носителей способности к дизайну реальности (везиум, амикс, и т.д.)

Студентам запрещается хранить и употреблять на территории академии алкогольные напитки в любой их форме.

Студентам запрещается самостоятельно употреблять лекарственные средства без назначения врача.

Студентам запрещается употреблять непристойные выражения и жесты, оскорбляющие других студентов, равно как и преподавателей.

Студентам запрещается применять по отношению к товарищам прозвищ и других оскорбительных выражений.

Студентам запрещается уходить за пределы территории училища без разрешения руководства академии.

Студентам запрещается посещать закрытые для посещения территории академии без разрешения руководство академии.

Студентам запрещается брать без разрешения личные вещи и предметы личной гигиены других студентов и административного состава.

Студентам разрешается пользоваться мобильным телефоном, планшетом, или другим электронным

средством только в личное время.

Да уж, целая куча запретов и только одно разрешение, которое, если вдуматься — тоже запрет, только более хитро сформулированный. Вот тебе и первая ласточка приближающейся муштры, о которой предупреждала Ника. Самое интересное же состоит в том, что уже сейчас все студенты первого курса могут легко прочитать эти правила и начать подозревать, что здесь все вовсе не так радужно, как показалось изначально... Но ведь никто этого делать не будет. Я совершенно уверен, что, если сейчас пройтись по всем комнатами первого этажа, то обнаружится, что девять из десяти заперты, и студентов внутри нет. Они гуляют.купаются, загорают, играют в бадминтон или волейбол. Развлекаются, короче. И, несмотря на то, что они, в отличие от меня, здесь уже целые сутки, процент тех, кто прочитал правила среди них — близится к нулю. Готов поспорить, что, получив известие о том, что начало занятий откладывается еще на сутки, они моментально потеряли головы от счастья, вместе с памятью о том, что вообще-то существуют какие-то правила.

Только вот в одной комнате из десяти все равно будут люди. Или хотя бы один человек. Широ же, например, здесь. Он не снаружи, где гоняют мячи и балду, он лежит на кровати и что-то там читает.

— Широ. — позвал я, не оборачиваясь. — Ты видел на двери?

— Правила? — бесцветно отозвался Широ. — Видел. А

что, тебе что-то непонятно в них?

— Все понятно. — я пожал плечами. — Просто было интересно, вдруг ты не видел.

— Я все видел. — сказал Широ, и в его голосе прорезалась самодовольная ухмылка. — А вот те, кто там снаружи пасутся — среди них мало кто придал этому значение. Весело завтра будет!

Я обернулся:

— Так ты в курсе?

— О да! — Широ отчетливо хмыкнул и даже отложил планшет, чтобы посмотреть на меня. — Думаешь, почему я не там, с ними? Не гуляю, не играю во всякие игры? Я предпочитаю побережь силы и как следует выспаться ночью, не мучаясь обгоревшим на солнце телом.

— Очень разумно. — признал я.

Хотя на самом деле я бы скорее предположил, что Широ здесь, а не снаружи банально потому, что его никто не захотел позвать к себе в компанию. Я бы не захотел, во всяком случае.

— А тебе про завтра Висла рассказала, да? — не оставивался Широ. — Я видел, вы рядом сидели. Ты тоже из Висла?

— Нет, я... Из другого клана.

— Нормальный такой, наверное, клан. — хмыкнул Широ. — С такой соской рядышком сидеть каждый хотел бы. Сама Ника Висла, надо же! Да ее половина академии хочет, а вто-

рая половина — просто бабы. Я бы и сам не прочь, честно говоря, я б ее оформил, конечно!..

Широ внезапно осекся и заткнулся. Глаза его в этот момент смотрели на меня, и, кажется, что-то такое он в них увидел, что заставило его резко передумать рассказывать мне, что бы он сделал с Никой.

— Вы с ней вместе, да? — совершенно нормальным и спокойным тоном спросил он. — В смысле... Трахаетесь?

— Проницательно. — кивнул я. — Молодец.

Широ закатил глаза и снова схватился за планшет, что-то недовольно пробубнив при этом. Новость его не то чтобы расстроила, но явно что-то поменяла в его системе ценностей.

Решив больше не проверять его психику на прочность, я потянул ручку двери на себя и вышел в коридор.

Кстати, что интересно, про секс в правилах не было сказано ни единого слова. Ни студентов со студентами, ни преподавателей с преподавателями... Ни даже студентов с преподавателями. Про наркотики и алкоголь — есть, про реадиз за стенами учебных классов — есть, а про секс — нет.

Странно.

Ника уже ждала меня в холле, в котором нас встречал Драйз. Тогда я особо не осматривался, полностью поглощенный видом человека-пузыря, но сейчас увидел, что возле входных дверей стоят несколько мягких стульчиков, словно предназначенных для того, чтобы ожидать на них кого-то.

Вот и Ника ожидала. Она переоделась в легкую красную майку на узких лямках, сквозь тонкую ткань которых отчетливо проглядывали соски, и белые короткие шорты, под которыми, надо думать, тоже ничего не было. На сложенных одна на другую ногах белели новенькие кроссовки с высокой голенью, а розовые распущенные волосы на лбу придерживали большие солнцезащитные очки.

Так сразу и не поймешь — на прогулку девочка собралась, на пробежку, или на пляж. Равновероятен любой из вариантов.

Ника что-то увлеченно читала на телефоне, тыкая по нему пальчиком и покачивая ногой будто бы в такт одной ей слышной музыке. Меня она заметила только когда я уже подошел и встал рядом — так увлеклась, бедняжка.

— Ну наконец-то! — радостно выдохнула она, с трудом запихивая телефон в крошечный карман на шортах. — Да ты же даже не переоделся! Что ты там делал столько времени?

— С соседом знакомился, лук проверял. — не стал выдумывать всякие несуществующие причины я.

— И как сосед?

Я хмыкнул и ответил совершенно честно:

— Ты знаешь, бывали у меня в жизни соседи и похуже. Так что, можно сказать, сойдет.

Я не стал уточнять, какую конкретно жизнь и каких конкретно соседей я имел в виду.

— Ну славно. — улыбнулась Ника и схватила меня за ру-

ку. — Тогда пойдем уже скорее, мне до вечера надо показать тебе всю академию, чтобы ты понимал, что и где находится.

— А вот если бы у меня не было тебя, кто бы мне все это показал?

— Никто, конечно. — Ника пожала плечами.

— А как тогда будут ориентироваться все остальные студенты? Сомневаюсь, что у каждого из них есть своя собственная Ника Висла.

— Пусть губы закатают! — засмеялась Ника. — Вообще-то вчера была общая экскурсия для всех студентов, но мы, сам понимаешь, на нее не попали. Так что экскурсию тебе проведу я.

— Отлично, я согласен. — улыбнулся я. — Но только с одним условием.

— М?

— Подольше задержимся в местах, где ты собралась проводить для меня индивидуальные занятия. Хочу их получше изучить.

Глава 6. Отбой

Экскурсия заняла ведь световой день — академия оказалась намного больше, чем казалась изначально. Сначала мы зашли в каждый из блоков, куда сегодня пока еще был свободный доступ и осмотрели их, особенно — тренировочный. В остальных не нашлось ничего особенно интересного — башню административного здания после обеда закрыли на замок и доступа в нее не было, а блок теоретической подготовки оказался всего лишь небольшим, утопающим в зелени зданием с несколькими комнатами, весь интерьер которых составляло несколько десятков парт и несколько больших классных досок на стенах.

А вот тренировочный блок был действительно интересен. По сути, его даже сложно было назвать блоком — казалось, что он и есть вся академия, а все остальное — это лишь его пристройки и системы обслуживания, настолько огромным он был. Тренировочный блок сам по себе состоял из нескольких блоков, а те — из других блоков. Он моделировал своей структурой практически все возможные ситуации, в которой может оказаться реадизайнер.

Здесь была секция с водой, включающая искусственное озеро, стремительную, но мелкую реку с кучей острых камней, глубокую и широкую реку, и даже целое болото, притворяющееся уютной зеленой полянкой.

Здесь была секция, имитирующая несколько кварталов самого настоящего города. По крайней мере, так мне объяснила Ника, а без подсказки я бы вряд ли смог признать в двух десятках бетонных коробок, расставленных на зеленой траве в каком-то непонятном, но все же порядке, имитацию городских кварталов.

Здесь была секция, имитирующая гору — с крутыми склонами, обрывами, осыпями острых камней и другими прелестями горного склона. Кое-где по и так скользким даже на вид камням текли ручейки, отведенные от реки, совершенно непрозрачно намекающие на то, что по ним карабкаться — провальная идея. А в том, что придется карабкаться, у меня сомнений не возникало. Или спускаться. Еще не известно, что хуже.

Здесь был целый кусок леса площадью несколько сотен квадратных метров, отгороженный от других деревьев невысоким забором из проволочной сетки — скорее, просто показывающей, что здесь тренировочная зона заканчивается, чем на самом деле предназначенным для того, чтобы удерживать студентов в своих границах. Это даже не смешно, учитывая, какими способностями обладают студенты даже первого курса, даже при условии того, что не умеют толком с ними обращаться. Какие там способности, через этот крохотный заборчик можно было банально перелезть.

Был кусочек пустыни, усыпанный песком глубиной как минимум по локоть, — глубже я проверять не стал, — и

украшенный несколькими живописными барханами. Песок на солнце за день раскалился до такой температуры, что на нем неприятно находиться было даже в обуви — горячий воздух банально сушил носоглотку и кожу.

Но это оказалось даже не самое неприятное в температурном плане место, потому что нашлась небольшая зона, где геоманты вывели близко к поверхности магмовую жилу, и она прорвалась наружу, выжгла растительность на небольшой площади, и лишив грунт любого намека на плодородие. В итоге получился пятачок полностью мертвой, дымящейся земли, местами взрытой выходами лавы — в основном застывшей, но в редких местах — очень даже жидкой. Будто жуткие пылающие кроты несколько недель без перерыва перекапывали здесь землю, и в итоге не нашли ничего для себя интересного, и ушли куда-то в другое место. Даже близко подходить к этому месту не хотелось — дрожащий над землей воздух, искажающий все, как плохо выплавленное стекло, даже на вид был горячим, будто в печи.

И самое дикое — что прямо рядом с этой зоной была зона жуткого арктического холода. Затянутые поземкой острые ледяные торосы, завихрения лютого ветра, носящие в воздухе килограммы снега... И все это заперто на нескольких сотнях квадратных метров, как будто в невидимых стенах. Как это было сделано, Ника сказать не смогла.

У меня вариантов не было тоже.

Разумеется, были тут и более простые и прозаические

площадки для тренировки. Была полоса препятствий размером с несколько других секций сразу. В ней были и рукоходы, и рвы с грязью, и стенки, как вертикальные, так и наклонные, канаты, кривые барьеры и черт его пойми что еще. Полное прохождение этой дичи никак не могло занять меньше часа. Была совсем маленькая, буквально семи метров в диаметре, площадка идеально круглой формы, засыпанная белым мелким песком и окруженная по периметру невысоким барьером. Как объяснила Ника, это для тренировочных спаррингов реадизайнеров, причем как с использованием реадиза, так и без него, что тоже входит в программу обучения.

И, конечно же, была большая, огороженная высокими барьерами из поликарбоната, овальная площадка, усыпанная все тем же белым песком, на которой предполагались групповые практические занятия. На вопрос, что они в себя включают, Ника вздохнула и ответила «Все». Надо думать, именно эта площадка и станет основной для наших тренировок. Хоть какие-то хорошие новости, потому что гореть заживо в лаве или кататься по склону из острых камней не хотелось.

В тренировочном блоке, что интересно, тоже нашлись студенты — не все сегодня валялись на пляже и купались в реке, кто-то предпочел потратить время на то, чтобы потренироваться. Таких, конечно, было исчезающе мало и они не рисковали лезть в тематические зоны, в основном, развлекаясь на полосе препятствий, но само их наличие было инте-

ресно уже само по себе.

— Наверняка это не первокурсники. — сказал я, глядя на лезущего на одних руках по канату крепыша. — Так ведь?

— В точку. — кивнула Ника. — Все перваки сейчас догуливают последние часы свободы. — Ну, все кроме тебя... И еще парочки, возможно.

— Так говоришь, будто все кто постарше всю сидят над учебниками и зубрят теорию. — усмехнулся я.

— Не все, конечно. Я бы даже сказала, мало кто. В основном, все равно развлекаются.

— А этим больше всех надо?

— Надо. — усмехнулась Ника. — Если бы не ты, я бы сейчас была среди них.

— Не сомневаюсь. Уж тебе-то точно надо больше всех.

Закончилась экскурсия уже в лесу, который был в свободном доступе и никак не огорожен, за исключением участка тренировочного блока. В остальном это был совершенно обычный лес, в котором местами многие поколения молодых реадизайнеров успели протоптать тропки и облюбовать полянки. На некоторых из них — тех, что были упрятаны в чашу леса поглубже, Ника и предполагала давать мне «индивидуальные занятия», первое из которых провела прямо сейчас, после чего мы продолжили углубляться в чашу.

В одном месте через лес даже протекала река, и через нее был переброшен очень живописный мостик из старого замшелого бревна, в обхвате достигающего моего колена.

— А на сколько вообще далеко тянется лес?

— Да черт его знает. — ответила Ника, легко перебегая по бревну, раскинув руки в стороны для равновесия. — Но точно известно, что он пересекает кольцо пустоты и тянется дальше. А на сколько он тянется — это я уже не знаю, никогда не интересовалась.

— То есть, в теории, через лес можно выбраться из академии и их кольца?

— В теории, где угодно можно выбраться из академии! — засмеялась Ника. — Тут же ни заборов, ни охранников, никого, тебя тут никто не держит! В любую сторону иди — и выберешься!

Я для вида согласился с Никой, не став уточнять, что я имел в виду не иллюзорную, исключительно теоретическую возможность выбраться, а более или менее реалистичную, которую можно было бы реализовать. В лесу влажно, к тому же, через него протекает река, значит, тут есть вода. Я слышу щебетание птиц и периодическое шуршание листвы от прыжков всяческих зверушек — значит, можно добыть и еду. В пустошах такого счастья нет, на то они и пустоши. Остается только один вопрос.

— А дарги в лесах бывают?

— Дарги везде бывают. Эти твари как тараканы.

— А в академии дарги бывают?

— Нет, конечно. — Ника удивленно посмотрела на меня.

— Что им тут делать?

— Ну, например, охотиться на целую гору самостоятельно приехавшей к ним в гости активной праны? Как тебе такой вариант?

Ника усмехнулась, описывая вытянутым указательным пальцем в воздухе круг:

— Кольцо. Не забывай, что оно есть.

— И что? — не понял я.

— Кольцо не дает нашей активной пране выходить за его пределы, как бы гасит ее. Поэтому дарги не чувствуют нас здесь.

— Вот бы такими кольцами да каждый город мира огородить. — вздохнул я. — Сразу столько проблем бы исчезло.

— Ага, вместе с любыми порталами между городами. — хмыкнула Ника.

— Ну ладно. — я все не сдавался. — А дарги не могут загулять просто так? Они же бесконтрольно перемещаются по пустошам... Допустим, на открытой местности пустошей заметить их можно издалека, а если они... Ну, в теории хотя бы — что, если они подкрадутся через лес?

— Так кольцо же! — всплеснула руками Ника. — Как они подкрадутся?

Я немного помолчал, пытаюсь сопоставить факты, потом признался:

— Извини, не понимаю.

— Кольцо, оно же рассеивает активную прану. — Ника развела руками, имитируя то ли взрыв, то ли два яйца. — А дарги не имеют пассивной праны, только активную. Поэто-

му, стоит им зайти в кольцо пустоты, они моментально истощаются и умирают.

— Вот как... Этого про даргов я не знал.

— Да как-то разговор просто не заходил. — Ника пожалала плечами. — На самом деле, это не то, чтобы факт, просто теория... Но она крайне правдоподобна и позволяет объяснить, почему даргов никогда не видели внутри кольца. Кроме того, есть свидетельства очевидцев, которые видели как дарги умирали, едва переступив границу кольца. Независимо от вида, умирали все до единого.

— Что интересно, я совсем не почувствовал, когда мы проезжали кольцо. — вспомнил я. — Я вообще не вспомнил о том, что оно существует. Ничего не почувствовал.

— А ты и не должен был. Понимание пришло бы только когда ты попробовал прибегнуть к своему реадизу. Тогда получился бы пшик, вместо того, что ты хотел исполнить, и вот тогда пришло бы понимание. Когда твоя активная прана рассеяна, у тебя остается еще пассивная — та, с которой ты всю свою жизнь живешь. Можно сказать, часть твоего тела.

— Хм... А когда реадизайнер умирает и выплескивает прану, это что?

— Это активная. — кивнула Ника. — Поэтому она... «Активничает», так сказать. Пассивная рассасывается спокойно, иначе бы каждый покойник в мире был для даргов как аэрогудок.

— А когда дарги умирают, из них активная прана не вы-

ходит, как из реадизайнеров?

— Выходит, конечно, ей же надо куда-то деваться. Но если прана реадизайнеров она выходит как бы «наружу», эксплозивно, как объясняют наши преподаватели, то прана даргов наоборот — сжимается в одну точку, то есть, выходит «импловивно». В итоге, если при смерти реадизайнера образуется большая область относительно низкой концентрации свободной праны, то после даргов образуется микроскопическая область ее огромной концентрации. Если бы не это, то представь, каждый убитый дарг привлекал бы на свое место еще десяток, вот это был бы кошмар.

С кошмаром не согласиться было трудно. Кошмар был еще тот. Но дело даже не в кошмаре. Скорее дело было в том, что следом у меня возник еще один вопрос, но, помня отношение Ники и прочих реадизайнеров к этой теме, я решил его не задавать, и просто попробовать, если когда-то подвернется такая возможность.

Ведь если внутри дарга есть только активная прана, которую он так любезно упаковывает при смерти в компактный шарик, или кубик, или что там... Главное — что он упаковывает и преподносит ее на блюдечке...

То почему бы не попробовать поглотить ее?

На ужин мы едва не опоздали — пришлось даже пробежаться, чтобы оказаться у дверей общежития аккуратно с переливчатым сигналом, разносящимся по академии из неви-

димых динамиков. Чмокнув меня в щеку на прощание, Ника унеслась к себе на третий этаж, а я отправился в свою комнату, жалея, что не додумался спросить, как, собственно, будет выглядеть ужин.

Как оказалось, ужин уже ждал в комнате. Не знаю, что мешало создателям академии построить общую столовую для всех, хоть даже объединенную с корпусом общежития, но делать они этого не стали. Вместо этого они придумали разносить еду студентам по комнатам в железных подносах с выемками разных форм и размеров. В каждой выемке лежала какая-то еда, и сверху все это накрывал еще один стальной лист на манер крышки — наверное, чтобы не остывало, чтобы не вываливалось, ну и заодно — чтобы штабелировать друг на друга было удобнее. Ведь не по воздуху же еда прилетает в комнаты, наверняка ее на тележке развозят.

Широ уже всю поглощал свою порцию, сидя на кровати со сложенными крестиком ногами. В руке у него вместо вилки, которая, кстати, была в комплекте с ужином, или хотя бы ложки, была зажата пара черных длинных тонких палочек, которыми он ловко подцеплял еду и закидывал ее себе в рот, успевая одновременно второй рукой ковыряться в планшете. На меня он не обратил внимания — только коротко мазнул взглядом, когда я вошел, и дальше принялся елозить пальцем по экрану.

Я прошел на свою кровать, которую еще даже не застелил мельком виденным в шкафу постельным бельем, сел на го-

лый матрас, взял свой поднос-судок и открыл крышку.

Пять отделений. В одном, самом большом — гарнир, сейчас это был простой отварной рис. Рядом отделение поменьше — кусочки какого-то мяса в соусе. Три совсем маленьких углубления — в одном нарезанный полосками болгарский перец, в другом — смесь нарезанного кубиком киви и клубники, и в третьем — крошечная плитка шоколада, буквально два на два квадрата. Никаких палочек в комплекте не шло — откуда Широ их взял? С собой, что ли, привез?

Взяв вилку, я принялся за еду. Оказалось приготовлено весьма недурно, хотя на мой вкус, не хватало соли и специй, но здесь как раз ничего удивительного — это же рассчитывается на массового потребителя. Если бы они еще и соль клали в комплект дополнительную — вообще было бы здорово.

Соль нашлась. С обратной стороны плоской крышки обнаружился прикрепленный белый пакетик без обозначений. Аккуратно попробовав его содержимое и убедившись, что это то, что нужно, я от души посолил то, что не успел доест, и наконец насладился пищей по полной.

Остался лишь вопрос куда девать поднос?

Украдкой я наблюдал за Широ, который, — не удивительно! — доел раньше меня. Он поставил поднос на свою тумбочку, причем поставил крайне аккуратно, будто пытался попасть в конкретное место. Осмотрев свою тумбочку, я понял, что так оно и было — на ней действительно был очерчен тонкий контур области, по размеру идеально совпадающей с

подносом, ну, может, чуть-чуть побольше. Поэтому, доев, я закрыл судок крышкой, и аккуратно поставил его так, чтобы он не вылезал за границы этой области.

Судя по тому, как спокойно Широ улегся после этого ковыряться в планшете дальше, на этом уборку посуды можно было считать законченной.

Оставшееся время до отбоя я провел с пользой. Достал постельное белье и расстелил кровать, развесил по шкафу одежду, и остаток времени лежал на кровати, переписываясь с Никой. Через некоторое время разговор снова, как и всегда до этого, зашел о реадизе, и она скинула мне методичку по теории реадиза для студентов первого курса. По ее словам, подобную нам и так раздадут, скорее всего, прямо завтра, но, если нечем заняться прямо сейчас, то можно и почитать.

Этим я и занялся. Правда оказалось, что это натурально методичка по реадизу, которая начиналась с тех самых времен, когда реадиз только-только появился в мире вместе с даргами. Подробно описывалась его история, включая вехи становления, все изначальные Линии, в том числе и ныне вымершие, погибшие в стычках с даргами...

Через час чтения моя голова уже трещала от всех этих дат и фамилий, а собственно до дизайна реальности я так и не добрался.

В итоге, когда в комнате трижды моргнул свет, предупреждая о скором отключении, я так и не продвинулся в изучении реадиза. Осталось только уповать на то, что завтра мне

объяснят поподробнее.

После того, как свет моргнул еще раз — теперь уже дважды, с тумбочки исчезли наши подносы из-под еды. Просто испарились за ту короткую секунду, пока лампа не горела. Теперь понятно, почему решили обойтись без столовой — если едва и появляется тоже таким же образом, а что-то мне подсказывает, что так оно и есть, то это намного удобнее целого отдельного помещения на кучу людей.

К тому моменту, когда свет окончательно отключили, мы уже были готовы ко сну. Помня слова Ники о том, что завтрашнее пробуждение будет неожиданным и очень веселым, и предполагая все что угодно — от ведра холодной воды на голову, до воя сирены, я позволил себе отключиться даже раньше, чем погас свет в комнате.

Но проснулся я вовсе не от воя сирены. И даже не от ведра воды.

И даже не утром.

Глава 7. Ночная беседа

Сначала я даже не понял, что меня, собственно, разбудило. Это был какой-то дребезжащий глухой звук, будто муха в деревянном коробке билась. Нет, целый рой мух — настолько мелким и раскатистым был этот звук.

Продрав глаза и повертев головой, я смог определить, откуда этот звук исходит. Оказалось, его издавал мой телефон, лежащий на тумбочке рядом с кроватью. Именно он вибрировал, лежа экраном вверх, и светя в потолок дисплеем.

Широ на соседней койке завозился, и что-то недовольно пробубнил. Хорошо хоть вообще не проснулся — к счастью, в телефоне установлен автоматический переход на вибро-режим в ночное время. Если бы он сейчас завопил своим рингтоном на весь корпус, думаю, проснулся бы не один лишь Широ.

Я схватил телефон и посмотрел на дисплей, там светился какой-то незнакомый номер. Часы показывали чуть больше двух часов ночи.

Кому, мать его, понадобилось звонить мне в два часа ночи? Да еще с незнакомого номера?

Кому вообще в этом мире понадобилось мне звонить? Мой номер знают два с половиной человека — Юля, с которой наши пути разошлись, Ника, Чел, и майор Суджук...

Хм, майор Суджук...

Я ткнул пальцем в кнопку приема звонка и поднес телефон к уху, не торопясь говорить. Если это действительно майор, то он догадается, что я на связи как минимум по тому факту, что закончились гудки.

— Серж? — раздался в трубке странный голос. Он был и похож на голос майора и не похож одновременно, будто искажен. — Серж, это Антон Суджук. Я звоню по зашифрованной линии, но все равно выйди куда-нибудь, чтобы тебя не подслушали.

Я кинул короткий взгляд на вошкающегося на своей койке Широ, два раза стукнул ногтем по телефону возле микрофона, давая майору понять, что я принял информацию, и поднялся с кровати. В одних лишь трусах и футболке, босиком, я вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь, но не закрывая на замок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.